

Когда я слышу призывы передать всю власть Советам, то задаю себе два вопроса: почему всю и каким именно Советам? Вот житейский пример. Я хочу пойти в кино. Спрашивается, должен ли я согласовывать этот шаг с властью, а если должен, то с какой? Госкино в лице председателя, утвержденного Верховным Советом страны, разрешает к показу фильм «ЧП районного масштаба», а безмянный чиновник городского масштаба не велит мне его смотреть. Можно, конечно, обратиться с жалобой по инстанции к депутату или прокурору, потребовать признания решения городского чиновника не конституционным. Объявить забастовку в конце концов. Но ведь я совсем не этого хотел. Первоначальное мое возмущение было таким безобидным — посмотреть кинофильм. Отчего же нельзя?

А теперь представьте более сложную ситуацию: группа жителей микрорайона решила выдвинуть в народные депутаты человека, способного отстоять их интересы в весьма вероятных конфликтах с властью. Для этого нужно собрать в зале не менее трехсот человек. Но прежде следует получить разрешение на проведение собрания и зал. У кого? У тех, кому отдана власть. А зал, извините, занят: в эти дни решено показывать некогда запрещенный фильм «ЧП районного масштаба», дабы совершить очередной скачок к демократии.

Первый случай взят из жизни. Второй — фантазии на темы проекта Закона РСФСР о выборах народных депутатов республики, проекта, отражающего реалии общества, в котором граждане когда-то отдали всю власть, а ныне вынуждены просить все и вся.

Разрешите выдвинуть кандидата в депутаты... Разрешите купить полтора килограмма сахара...

Что вы сказали?..

И мыла, пожалуйста, если можно, конечно... А не позволите ли вы провести фестиваль документального кино в вашем замечательном городе...

Да, было дело. Ходил и я на поклон к начальству, просил униженно и подобострастно. Но ведь сам виноват: предложил провести в Саратове смотр поволжского кино, а товарищи по Союзу кинематографистов наказали за инициативу: сделали председателем оргкомитета. Вот так получил я бесценный опыт общения с властью. Какова она, российская провинциальная номенклатура образца 1989 года? Кому служит? Как служит? Есть мнение, что она повсеместно перестроилась. Но есть и другое мнение. Плюрализм он и в Саратове плюрализм.

Я в основном буду излагать факты. Так сказать, портрет власти в действии, вернее, в противодействии.

Итак, что вы сказали? Документальное кино Поволжья, разве такое есть? Почему в Саратове решили собираться сие? С кем согласовано? Эти вопросы задавали мне так часто, что я начал читать их в глазах местного начальства и отвечал почти автоматически.

Фестиваль скромный, без машин с мигалками, смокингов, жюри и хрустальных ваз. В двух маленьких залах (всего-то на 420 мест) документалисты хотят увидеть и услышать зрителей и показать им (всего-то 2 сеанса в день) свои работы о бедах Волги и русской деревни, о судьбах бывшего Предсовнаркома Рыкова и бывшего секретаря Куйбышевского обкома Муравьева, о нижегородском фотографе Дмитриеве и последних бакенщиках Волги... Все фильмы, и это я подчеркивал особо, имеют разрешительные удостоверения Госкино и Гостелерадио. Что разрешено, то не должно быть запрещено, не правда ли?

А в Саратове мы решили собираться потому, что в этом городе работают более десяти членов Союза кинематографистов, а режиссер Луньков Дмитрий Алексеевич избран народным депутатом СССР, единственный, кстати, кинематографист от провинциальной России. Нам приятно, что городским властям приятно слышать об этом. И потом, сегодня в Саратове, завтра — в Волгограде, Астрахани, Казани. В любом городе от истоков до устья Волги мы не только имеем право, но и обязаны встречаться со зрителем — это написано в нашем уставе.

Что касается согласования, то есть решение нашего правления, то вот теперь я и пришел в ваш кабинет, чтобы согласовать с вами.

...Секретарь горкома Ялынычев слушал меня молча, задал один вопрос: почему в Саратове? (ответ см. выше) и сказал, что теперь они не командуют и нам следует письменно обратиться к председателю горисполкома. Я тоже задал вопрос: могут ли сослаться на ва-

ше мнение? Каково оно? Мнение было таким: ничего в принципе не имею против, но мы не командуем.

...Председатель горисполкома Агапов принять меня не смог, но по телефону выслушал, вопросов не задавал, узнав о мнении Ялынычева, согласился с ним и поблагодарил за приглашение на открытие фестиваля. По всем техническим вопросам он порекомендовал обращаться к своему заместителю Россошанской, которой будет дана соответствующая команда.

Так замечательно закончился первый этап подготовки фестиваля. Было это в середине марта. Никто еще не знал итогов выборов, не догадывался об указе от 8 апреля, не читал материалы апрельского Пленума ЦК

наступательность? Столько слов — и ни одного решительного «нет!». В иные времена написали бы куда как откровенней.

Скорее всего, однако, я не прав, и речь должна идти не о распаде системы, а о новых, более лукавых формах ее существования.

Но вернемся к фестивалю. Мы решили помочь городским властям и не биться за места в гостинице с фехтовальщиками. Дружью кино, а их в Саратове оказалось немало, подсказали нам выход: снять пансионат за городом. Такой пансионат нашелся, мы легко договорились с его хозяевами, и казалось, что все наши беды позади.

Однако, скажет искушенный читатель, неужели сопротивление кончилось?.. Нет, разу-

Уроки одного фестиваля

КПСС. Все это было впереди, а мы уже заказывали художнику афиши.

Первый сигнал о перемене погоды поступил от нашего уполномоченного в Саратове кинодраматурга Ю. А. Чибрякова. Он встречался с Россошанской и узнал, что председатель горисполкома никаких распоряжений в связи с фестивалем ей не давал. Я наивно подумал, что добрейший Владимир Семенович, вероятно, запмятовал о нашем разговоре и позвонил ему вновь. Так уж получилось, что мы решали серьезный вопрос, не видя друг друга, и я даже подумал, что это не Агапов, а кто-то другой. Куда девалась былая любезность?

— Ваш вопрос не согласован с горкомом, и я ничего решать не могу.

— Но я же говорил с Ялынычевым. Он не возражал.

— Без указания партийных органов ничем не могу помочь. Мы власть исполнительная.

— А я думал, советская.

— Это конечно, но по таким вопросам мы без партии ничего не решаем.

...Я вылетел в Саратов и в тот же день был у заведующего отделом обкома Шмакова. Он выслушал меня внимательно, задал три обязательных вопроса (ответы см. выше), пытался звонить Агапову, но не нашел его. Расстались мы дружными: Шмаков заверил, что он за фестиваль и его мнение — это мнение обкома партии. В тот же вечер мы с Чибряковым были у Россошанской, она сказала, что Шмаков для нее авторитет, приняла официальное письмо и заверила, что сорок мест в гостинице — не проблема. Других просьб у нас не было.

Так закончился второй этап. Очень может быть, что тогда меня просто водили за нос, но вероятен и такой вариант, что за нос водили не только меня. Во всяком случае, мне показалось, что Александра Васильевна Россошанская искренне хотела помочь нам. И вот именно ей две недели спустя поручено было написать следующее письмо: «В связи с тем, что в Саратове будет проходить большое количество ранее запланированных мероприятий областного и республиканского значения, исполком горсовета согласен рассмотреть возможность проведения фестиваля документальных фильмов в другие сроки».

Веселенькое письмо, особенно если учесть, что афиши отпечатаны, половина абонементов распродана и пятнадцать съемочных групп спланировали свою работу так, чтобы режиссеры, операторы, редакторы могли собраться в Саратове. Но, с другой стороны, письмо интересное. Когда будет создаваться музей административно-командной системы, оно, возможно, займет место в экспозиции, посвященной периоду распада. Где былая твердость формулировок, бескомпромиссность,

мечется. Сначала руководство местного телевидения пыталось запретить передачу, посвященную фестивалю. Но вмешался наш народный депутат Луньков, и передача увидела свет. Потом редактора молодежной газеты, рассказавшей о программе фестиваля, вызвали «на ковер» и приказали дать опровержение: фестиваль не санкционирован, значит, его не будет. За неделю до открытия посыпались удары и на нас. Сначала отказали оба кинотеатра, с которыми у нас был договор. Вместо фильмов о перестройке они решили порадовать зрителей «Аленьким цветочком» и «Кинг-Конгом». В тот же день нас отвергла гостиница, где мы без помощи исполкома заказывали штабной номер. К вечеру поступило сообщение из Дворца культуры, где намечалось открытие, — тоже отказ, разумеется. Люди почестей говорили прямо: приказ начальства. Другие привычно, по-саратовски легко лгали.

Впрочем, объяснения нам не требовались. Мы знали, что фестиваль обложен. Но знали мы и другое: эта облава противоречит не только логике общественного развития, но и закону. Запрещать в Саратове то, что разрешено в Москве, лишать кинематографистов права показывать фильмы, а зрителей — смотреть, диктовать творческому союзу распорядок его работы — это может быть оправдано только введением чрезвычайного положения, которое отменяет конституционные нормы. Ничего чрезвычайного в те дни в Саратове не происходило. Ну выпустили из знаменитой саратовской тюрьмы четверых бандитов с заложницами. Ну потеряли их в шумном городе, дали прострелять и покуражиться. Ну купил «хозяин» маленькой винной лавки «Вольво», а в центре города, возле пивной, не дождавшись последней кружки, умер человек, и очередь, обходя его холодеющее тело, шутила: если пиво не подвезут, мы все там будем. Но что тут особенного?

В те же дни заведующий идеологическим отделом обкома партии Шмаков с гордостью говорил, что Саратов — город тихий и законопослушный: ни митингов, ни демонстраций, ни этих сташных неформалов.

А мы хотели показать в этом городе фильм «Два митинга» о том, как народ потребовал и добился отставки первого секретаря Куйбышевского обкома партии. Мы хотели показать фильм «Капля калмыцкой крови» о трагедии небольшого народа и огромной страны. Мы хотели показать фильм «Быть и слыть» о методах руководства саратовской деревней, насаждавшихся десятилетиями.

Нет, товарищ Шмаков ничего не имел против этих фильмов. Больше того, он охотно соглашался с тем, что кино — важнейшее из искусств. Но все дело в том, что «не командует» теперь товарищ Шмаков. Город поче-

му-то противится... А почему, он, Шмаков, и не знает.

А в это время в Саратов летели телеграммы из Куйбышева, Москвы. Первого секретаря обкома партии просили помочь фестивалю, лично разобраться в ситуации секретари Союза кинематографистов СССР, председатель Госкино СССР. Первые две телеграммы пришли в пятницу. В понедельник секретарь обкома Ю. Д. Баранов наложил резолюцию: «т. Агапову — «На рассмотрение!» Что означает сей термин, я не знаю, но вечером того же дня Шмаков при мне звонил Агапову, и тот подтвердил, что о телеграммах ему известно. Из обкома мы с коллегой Чибряковым направились в горисполком. Его председатель В. С. Агапов заявил, что никакие телеграммы не видел. «Может, об этой идет речь?» — сказал он, взяв со стола телеграмму на английском языке.

Тут я подумал: почему человек, обремененный массой серьезных дел, должен участвовать в такой мелкой игре? Почему он не откажется от незавидной роли, навязанной ему? Или он не понимает, что эта история, став известной его избирателям, не прибавит ему голосов? А может, просто уверен, что в тихом Саратове избиратели всегда будут тихими?

Между прочим, в здании, где нынче горисполком, когда-то была гостиница. В ней однажды встретились Чернышевский и Короленко. О чем говорили они? Не о будущем ли России?

...А до открытия фестиваля оставалось три дня. Из всех волжских городов звонили коллеги: не пора ли сдавать билеты на теплоходы, поезда, самолеты? Саратовские друзья кино направили телеграмму протеста в адрес пленума СК СССР, просили защитить права зрителей. В самый напряженный момент один радикально настроенный режиссер посоветовал мне объявить голодовку перед зданием горисполкома, но я уже знал, что не здесь решается судьба фестиваля, да и не был уверен, что местные власти обратят на эту акцию внимание. Разве запрет демонстрации... фильмов — событие в наш бурный век? В том же Саратове запретили рок-фестиваль, на который было продано около тысячи билетов. И ничего, никаких общественных возмущений. Возможно, конечно, что музыканты напишут в этой связи новые песни. Но не здесь ли высший плюрализм: одни пишут песни протеста, другие их запрещают, вызывая новый протест и, естественно, творческий импульс. При этом совершенствуются как песни, так и методы их удушения.

Но как же все-таки удалось открыть фестиваль? Очень просто — все решилось буквально за полчаса. Секретарь обкома партии Юрий Дмитриевич Баранов, с которым я раньше безуспешно пытался связаться, вдруг позвонил мне сам и сказал, что ему удалось уговорить городские власти не чинить нам препятствий. Но я, кажется, сам стал говорить на саратовском языке. Не вдруг, не вдруг случилась перемена. До этого в Саратовский обком позвонил ответственный работник ЦК КПСС и сказал, что ЦК не рекомендует срывать фестиваль. И с этой нерекомендацией безоговорочно и бесповоротно согласились Шмаков, и Ялынычев, и Агапов, и Россошанская, и директора кинотеатров. И фехтовальщики не выразили никакого протеста, а некоторые химки после конференции даже заходили в кинотеатры. И владелец «Вольво», говорят, выражал желание посмотреть фильмы о молодых казанских бандитах, собравших с населения миллион.

Словом, фестиваль прошел успешно. Был, правда, непредвиденный инцидент, когда руководители местного телевидения не позволили участвовать в передаче, посвященной фестивалю, кинематографистам из Куйбышева, Казани, Волгограда под тем предлогом, что они не успели войти в студию до начала трактового репетиции. Текст был написан, записан, отрепетирован в кабинете, но... или секретарь обкома не всех успел «уговорить», или и впрямь в Саратове такой агрессивный плюрализм.

Если же говорить о выводах из всех околофестивальных перипетий, то я сделал их по меньшей мере два.

Во-первых, когда мы будем передавать всю власть Советам, надо хоть что-нибудь, хоть самую малость оставить гражданам.

И второе. Пора снимать фильм о нравственности местной номенклатуры, кое-каких героев я уже присмотрел.

Владимир ГЕРЧИКОВ,
кинодраматург, член правления
Поволжского отделения СК СССР.